

УДК 343.814(470.344)(091)

DOI: 10.24412/2070-9773-2025-8224-155-161

Дата поступления (Submitted) 22.07.2025

Дата принятия к печати (Accepted) 12.08.2025

«Чувашское Бутово»: штрихи к истории Алатырской ИТК № 1

ФЕДОР НИКОЛАЕВИЧ КОЗЛОВ

кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева
428000, Российская Федерация, Чувашская Республика,
г. Чебоксары, ул. Карла Маркса, 38
e-mail: fedor1977@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка частичной реконструкции истории существования располагавшейся на территории современного пос. Первомайский Алатырского муниципального округа Чувашской Республики исправительно-трудовой колонии № 1 (известной также как Алатырская ИТК № 1). Учреждение существовало с 1929 по 1964 гг., но в фокусе внимания, прежде всего, находится хронологический отрезок с середины 1930-х по начало 1940-х гг. Такое акцентирование объясняется временем массового пребывания в данном исправительном учреждении заключенных из числа духовенства и верующих. Тема политических репрессий в СССР, в том числе в отношении православных священнослужителей и мирян, относится к числу активно разрабатываемых научных проблем, однако история данной «зоны» до настоящего времени не попадала в поле зрения специалистов. Методология исследования построена на традиционном сочетании общенаучных и специальных исторических (историко-системный, историко-сравнительный и проблемно-хронологический) методов. На основе архивных документов и опубликованных материалов рассмотрены количественный и качественный состав осужденных по делам веры и условия их нахождения в колонии. Результаты исследования позволяют заполнить одну из лакун в изучении истории репрессивной политики в отношении инакомыслящих в СССР, а также отобразить быт заключенных на примере одного из «мест общего заключения».

Ключевые слова: Чувашская АССР, г. Алатырь, пос. Первомайский, православное духовенство, верующие, репрессии, исправительно-трудовая колония, лесозаготовки

“Chuvash Butovo”: Touches to the History of Alatyr Correctional Labor Colony No. 1

FEDOR NICOLAEVICH KOZLOV

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of National and Universal History
I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University
428000, Russian Federation, Chuvash Republic, Cheboksary, st. Karl Marx, 38
e-mail: fedor1977@yandex.ru

Abstract. The article attempts a partial reconstruction of the history of a village located on the territory of modern-day Pervomaisky, Alatyrsky Municipal District, Chuvash Republic, which was home to Correctional Labor Colony No. 1, also known as Alatyrskaya Penitentiary Complex No. 1. The institution existed from 1929 to 1964, but the focus is primarily on the chronological period from the mid-1930s to the early 1940s. This emphasis is explained by the time of the mass stay in this correctional institution of prisoners from among the clergy and believers. The topic of political repression in the USSR, including against Orthodox clergy and laity, is one of the actively developed scientific problems, but the history of this “zone” has not yet come to the attention of specialists. The research methodology is based on a traditional combination of general scientific and special historical (historical-systemic, historical-comparative and problem-chronological) methods. Based on archival documents and published materials, the quantitative and qualitative composition of religious prisoners and the conditions of their stay in the colony are considered. The results of the study make it possible to fill in one of the gaps in the study of the history of repressive policies against dissidents in the USSR, as well as to depict the life of prisoners using the example of one of the “places of general detention”.

Keywords: Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republic, Alatyr village, Pervomaisky village, Orthodox clergy, believers, repression, correctional labor colony, logging

Поселок Первомайский в Алатырском муниципальном округе Чувашской Республики не может похвастать оригинальностью и уникальностью своего названия. Напротив, этот топоним (с вариацией как мужского, так женского и среднего рода) – абсолютный рекордсмен по числу упоминаний на карте современной России: он встречается 210 раз (и это – без учета названий в формате имени существительного). Некоторые из этих населенных пунктов переименованы в честь одного из знаковых праздни-

ков СССР, другие – родились уже в советскую эпоху и сразу были наречены в честь «Дня интернационала» (с 1970 г. – Международного дня трудящихся, а после распада СССР – Праздника Весны и Труда). К категории последних относится и вышеупомянутый населенный пункт.

Юридически поселок появился после утверждения Советом Министров Чувашской АССР 22 сентября 1955 г. [21, с. 275]. Долгое время он был центром одноименного сельского совета (с 2005 г. – поселения,

с 2023 г. – территориального отдела). Однако фактически, как это нередко случается, он гораздо старше своей официальной биографии. Времянки здесь появились еще в начале 1920-х гг., а на постоянное проживание «оседать» стали с рубежа 1920–1930-х гг. Слово «оседать» не случайно взято в кавычки, поскольку первых «регулярных» жителей обеспечил Наркомат внутренних дел СССР. Сразу несколько факторов сошлись в одной точке: эта сторона богата добротным лесом, сюда еще в царское время начали тянуть узкоколейку и – что немаловажно! – участок находился вдали от обжитых мест. Все это по совокупности сделало территорию притягательной для размещения одного из многочисленных исправительно-трудовых учреждений. На многие десятки километров вокруг него простирались непроходимые леса. В ведении Алатырского лесхоза в отдельные годы находилось до 200 тыс. га, а находящийся в фокусе нашего внимания район в 1920-е гг. входил в Айбесинскую дачу (по ближайшему крупному сельскому населенному пункту – Старые Айбеси). Само же место расположения нынешнего поселка Первомайский поначалу называлось непривлекательно: «24-й километр» (или даже в сокращенном варианте: «24 км»), – т.к. на этой отметке завершилось строительство ветки железной дороги [24]. Разобравшись с географией, вернемся к историческим событиям.

Тема политических репрессий в СССР, в том числе в отношении православных священнослужителей и мирян, относится к числу активно разрабатываемых научных проблем, однако история данной «зоны» до настоящего времени не попадала в поле зрения специалистов. Между тем ее с полным основанием называют «Чувашским Бутово», которое в течение почти полутора десятилетий использовалось как место заключения для осужденных «по делам веры». Фактически можно говорить о данной исправительно-трудовой колонии (далее – ИТК) как месте наиболее массового содержания этой категории заключенных на уровне конкретного национального региона РСФСР. Настоящее исследование – попытка частичной реконструкции истории существования располагавшейся на территории современного пос. Первомайский Алатырского муниципального округа Чувашской Республики ИТК № 1 (известной также как Алатырская ИТК № 1).

В основу исследования положены документы из фондов Государственного архива Российской Федерации и Государственного исторического архива Чувашской Республики, а также опубликованные материалы и выполненные к настоящему времени научные разработки по проблеме политических репрессий в СССР. Методология исследования построена на традиционном сочетании общенаучных и специальных исторических (историко-системный, историко-сравнительный, историко-описательный и проблемно-хронологический) методов.

Важно отметить, что фундаментальный справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960», содержащий сведения о местах их дислокации и штатной и реальной численности заключенных, называет имевшийся на территории Чувашской АССР Чебоксарский исправительно-трудовой лагерь (Чебоксарлаг) [27, с. 470–471, 507], но, к сожалению, ни словом не упоминает про исправительно-трудовую колонию № 1 ни по ее юридическому адресу (г. Алатырь), ни по фактическому местонахождению (территория современного пос. Первомайский). Конечно, следует иметь в виду разницу между «исправительно-трудовым лагерем» (далее – ИТЛ) и «исправительно-трудовой колонией». Суть двух типов пенитенциарных учреждений варьировалась, прежде всего, категориями контингента (т.е. степени «социальной опасности

правонарушителя»): ИТК как «места общего заключения» предназначались для содержания осужденных на срок до трех лет за бытовые, хозяйственные и другие считавшиеся неопасными преступления, а ИТЛ – для содержания и использования труда осужденных к лишению свободы на срок более трех лет. Первоначально разделение мест лишения свободы происходило и по ведомственной принадлежности: если вторые входили в структуру ОГПУ СССР, то первые находились в ведении республиканских НКВД, и только с 1934 г. все исправительно-трудовые учреждения оказались в подчинении НКВД СССР (однако сохранилось их подчинение двум разным структурным подразделениям: ИТК – Отделу мест заключения, ИТЛ – Главному управлению лагерей) [1; 4, л. 31–61]. Вместе с тем стоит принимать во внимание и высказанную Г.М. Ивановой точку зрения, что лагеря в отличие от колоний изначально создавались как «органы подавления классово-враждебных элементов», и «есть гораздо больше оснований характеризовать ГУЛАГ как репрессивный (подавляющий – Ф.К.) институт, нежели как пенитенциарный» [12, с. 9–10].

По данным Управления ФСИН по Чувашской Республике, Алатырская ИТК № 1 была образована в 1929 г. и состояла из двух частей: мужской (более многочисленной) и женской. В разное время в ней содержалось единовременно от 2,0 до 4,5 тыс. заключенных. Кстати, здесь же в сентябре 1942 г. была открыта колония для несовершеннолетних на 300 мест [13, с. 59]. Считается, что всего прошло через эту «зону» несколько десятков тысяч человек. Документальные материалы, в том числе личные дела осужденных, карточки формы № 2 на заключенных, корешки справок об освобождении и др. за 1930-е гг. были экспертной комиссией самой ИТК № 1 в 1952–1965 гг. выделены к уничтожению «путем сожжения» согласно отборочным спискам. Отложившиеся в архивном фонде акты указанной экспертной комиссии содержат лишь ФИО, указание статей, сроки наказания и констатацию факта «освобождения или смерти» [8, л. 4–69, 82, 84, 131, 142–144]. Известны данные более позднего времени. Так, если в 1940 г. здесь находилось 617 «з/к» при штатной нагрузке в 543 человека, то к 1945 г. – всего 882 при «штате» в 1352 места [5, л. 3]. В дальнейшем как число наличного состава заключенных, так и его «штат» сокращались. К примеру, отчет за 1948 г. зафиксировал 675 человек при плановом показателе в 620 человек [6, л. 92].

Однако в нашем случае важно другое обстоятельство: не столько количественный (хотя и он, бесспорно, значим!), сколько качественный состав. Не относясь к числу наиболее массовых и не будучи на слуху, Алатырская ИТК № 1 тем не менее может быть названа одной из специфичных на карте ГУЛАГа как системы вообще. Политические репрессии в СССР затронули целые группы населения, вина которых состояла просто в принадлежности к той или иной преследуемой социальной категории. Одной из наиболее многочисленных были представители духовенства, а также не желавшие отказываться от религиозных убеждений миряне. В номенклатурном сленге их характеризовали коротко: «церковники», – а в языке ГУЛАГа того времени оформился специфический термин «богомол» [20, с. 47]. Особенно жестко прошелся по ним каток «большого террора».

Через учреждение с коротким почтовым адресом «г. Алатырь, п/я № 14/1» (он иногда указывался без дробной «1», но в целом сохранялся независимо от происходивших изменений административно-территориального порядка и ведомственной принадлежности до начала 1950-х гг., позднее получил другой адрес почтовой ящика: «ЮЛ-34/1» [5, л. 2; 7, л. 20]) прошла не

одна сотня представителей духовенства и мирян. При этом до настоящего времени не известно точное число находившихся здесь в 1930-е гг. Это место не было полностью профильным под размещение осужденных «за веру», как, например, Чуфаровский лагерь особого режима для духовенства в соседней Республике Мордовия (в силу специализации и довольно высокой смертности «контингента» даже называемый «Голгофой Мордовской земли») [см.: 17], но тем не менее данная категория «бывших людей» и в Алатырской ИТК № 1 составляла значительный процент. Первые из них прибыли в 1935 г., в следующем году здесь пребывали уже 14 священников. К 1937 г. цифра сократилась наполовину (другие скончались от разных причин в предшествующий год). В годы «большого террора» приток как духовенства, так и верующих резко возрос: в 1937 г. число «отцов духовных» увеличилось сразу на 12, а в 1938 г. – на 19 человек. В 1939 и 1940 гг. имел место спад количественных показателей: всего 5 и 6 пастырей соответственно, однако уже в 1941 г. ситуация была «исправлена»: лагерь пополнился 12 священниками [15, с. 35–36]. Фактически никто из них на свободу уже не вышел. Редкое исключение составляют лица, переведенные затем в другие лагеря. Подробнее об условиях содержания и числе погибших, в том числе и церковнослужителей и мирянах, – чуть ниже.

Сам факт пребывания в ИТК № 1 представителей духовенства и осужденных по «делам веры» мирян позволяет говорить о несоответствии контингента срокам, определенным для отбывающих наказание в исправительно-трудовых колониях. Резко увеличившееся в целом по стране число заключенных привело к стиранию границ между ИТЛ и ИТК. В последние массово прибывали лица, приговоренные по «тяжелым» статьям УК РСФСР на сроки, существенно превышающие нормативные «три года». К примеру, в интересующем нас учреждении содержались признанные «социально опасными элементами» и получившие по 10 лет за «антисоветскую пропаганду» епископы Орловский Николай (Могилевский) и Рылский Иоанн (Пашин), игуменья закрытого Чебоксарского Владимирского монастыря Тамара (Сатси), протоиереи Николай Богомолов, Михаил Самсонов и Николай Троицкий, священники Константин Введенский, Константин Виноградов, Дмитрий Воскресенский, Василий Константинов-Гришин, церковный староста И.А. Аввакумов, просфорница У.В. Васильева, монашествующие С.Д. Бахарева (Бухарева), А.П. Бобылева (Бабылева), Е.К. Васенева и др. [14, с. 37; 26, с. 11, 26–27, 28, 29, 31, 33, 34, 36, 39, 80, 130, 145, 149]. Сюда попали и приговоренные к восьми, шести и пяти годам соответственно монашествующий С.Д. Давыдов, бывший иеромонах Чебоксарского Троицкого монастыря Николай (Тарашук) и протоиерей Дмитрий Архипов [26, с. 15, 48, 110]. Переводили и из других лагерей: так, в 1936 г. сменил «прописку» с Вятского ИТЛ на алатырские леса Василий Васильев, из Ветлужского ИТЛ был этапирован схиархимандрит Игнатий (Лебедев) [26, с. 31, 69]. Именно в эпистолярном наследии последнего сохранилось описание условий жизни в ИТК № 1.

Важной чертой лагерной повседневности был принудительный труд. Содержание заключенных обходилось государству дорого, и потому раз за разом вставал вопрос об их использовании в качестве производственной силы для выполнения задач по народно-хозяйственному строительству. Этот аспект обсуждался, например, на прошедшем в октябре 1928 г. I Всесоюзном совещании пенитенциарных деятелей [22, с. 69]. Привлечение заключенных к тому или иному виду работ было санкционировано постановлением СНК СССР от 11 июля 1929 г. и СНК РСФСР от 16 июля

того же года. Согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 6 ноября 1929 г. «Об изменении статей 13, 18, 22 и 38 Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» приговоренные к лишению свободы на срок более трех лет теперь должны были отбывать наказание не в общих местах заключения, а в ИТЛ [16, с. 68].

Все это явилось результатом реализации постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 26 марта 1928 г. «О карательной политике и состоянии мест заключения», потребовавшего от НКЮ и НКВД «разработать проект изменения законодательства о принудительных работах на началах: а) бесплатности, б) хозяйственной выгоды, в) такой их организации, чтобы они представляли собой реальную меру репрессии» [18, с. 613]. Подготовленная в апреле 1929 г. в недрах наркоматов юстиции и внутренних дел и ОГПУ для СНК РСФСР докладная записка констатировала, что простая изоляция в местах лишения свободы оказалась «весьма дорогостоящей государству», и предлагала перейти к организации системы концлагерей как позволяющей «реальное проведение карательной политики и несомненное значительное снижение расходов по содержанию заключенных» [25, с. 143–144]. Такой же прагматичный подход продемонстрировал заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода на первом совещании Специальной комиссии Политбюро ВКП(б) по организации концлагерей в мае 1929 г.: «На новые тюрьмы никто денег не даст. Другое дело постройка больших лагерей с рационально поставленным использованием труда в них» [25, с. 145].

«Рационально» поставленное трудовое «перевоспитание» вкупе с необходимостью «реальной меры репрессий» и обусловили привлечение заключенных к наиболее физически тяжелой работе. В Чувашии основной сферой применения их труда были лесозаготовки. Воспоминания назначенного в феврале 1948 г. министром внутренних дел Чувашской АССР Н.С. Захарова свидетельствуют, что и тогда «лагерные подразделения отдела исправительных работ» работали «в основном на лесоповале» [11, с. 30, 32]. Отраслевая специализация для ИТК № 1 сохранялась практически весь период существования учреждения с момента его возникновения в 1929 г. и до ликвидации в соответствии с приказом министра охраны общественного порядка Чувашской АССР от 31 декабря 1964 г. Причем эта «зона» находилась на полной самоокупаемости [13, с. 59]. Здесь занимались лесозаготовкой, производством дров и изготовлением продукции из дерева (мебели, тарной дощечки, деревянных ложек и др.).

Нельзя не отметить, что часть заключенных уже в момент своего прибытия была, что называется, «не в форме». Так, 1869 года рождения был осужденный в 1937 г. протоиерей Дмитрий Воскресенский, в возрасте 78 лет пребывал попавший в Алатырскую ИТК № 1 в 1940 г. иеромонах Николай (Танащук) [15, с. 37]. Да и у остальных был целый букет различных хворей. К примеру, в одном из писем отца Игнатия (Лебедева), отправленных в августе 1936 г. своей племяннице Евпраксии, содержится описание дневного рациона: «Сейчас живу только утром на селедке, в обед сухари с чаем, а вечером на каше, а супа есть не могу – расстраивается кишечник, также и вечером черного хлеба». Нужно учитывать, что это своего рода «диета», поскольку автор письма страдал от пеллагры и «органического поражения центральной нервной системы в форме энцефалита». С таким диагнозом врачебное заключение, сделанное в июне 1935 г. в больнице Бутовского изолятора, предупреждало: «По своему физическому состоянию к труду не годен» [10, с. 91, 92]. Однако никто в Алатырской ИТК № 1 на подобные «ме-

лочи» внимания не обращал – заключенные обязаны были отрабатывать свой хлеб.

Условия работы в 1930-е гг. были крайне напряженными и непосильными. Летом подъем был в 4.30 утра. После завтрака – работа. Днем один час на обед. Снова – труд. Ужин. В 22.00 – отбой. Всего работали по 12 часов. Зимой корректировалось время начала работ – в зависимости от наступления рассвета и захода солнца (фактически «выход» составлял около 10 часов) [29]. В отдельных публикациях речь вообще идет о «круглосуточном производстве в три смены» [10, с. 58]. Вероятнее всего, здесь просто нужно разделять виды работ: в силу естественных причин ограниченными по времени были лесозаготовки, а круглосуточной могла быть занятость в деревообрабатывающем цехе. Причем везде были установлены определенные производственные показатели, от выполнения которых зависели основные вопросы жизнеобеспечения осужденных. Приказом НКВД СССР от 14 августа 1939 г. № 00943 «О введении новых норм питания и вещевого довольствия для заключенных в ИТЛ и ИТК НКВД СССР» лагерному начальству предоставлялась возможность сокращения практически вдвое норм «продуктовой корзины» для невыполнившего задание «спецконтингента» [9, с. 476–479]. При этом при определении ежедневных норм выработки, естественно, не делалось никаких уточнений на состояние здоровья заключенных. Месяцем ранее, 10 июня, «строго секретным» решением Политбюро ЦК ВКП(б) было утверждено предложение НКВД СССР об отказе от «условно-досрочного освобождения» как такового. Более того, была прекращена практика «зачетов одного рабочего дня за два дня срока отбытия наказания» [18, с. 158]. 20 июня 1939 г. отмена условно-досрочного освобождения для осужденных, отбывающих наказание в ИТК и тюрьмах НКВД СССР, была оформлена Указом Президиума Верховного Совета СССР [9, с. 117]. Теперь «трубили от звонка до звонка». Впрочем, известны единичные случаи досрочного освобождения заключенных из числа духовных лиц в 1943 г. [26, с. 112, 129], что, вероятно, было обусловлено наметившимся изменением государственной конфессиональной политики.

Об условиях содержания осужденных в Алатырской ИТК № 1 известно следующее. Первоначально они пребывали в г. Алатырь, где в местной тюрьме шла «сортировка», затем пешим ходом гнали уже в ИТК. На территории колонии отсутствовало твердое покрытие, и после дождей здесь все превращалось в месиво. Жили заключенные в бараках, которые практически не отапливались. В помещениях отсутствовали сушилки, поэтому спать ложились в мокрой одежде. Обеспечения теплой одеждой, носками, портянками и пр. практически не производилось. Ботинки на деревянной подошве или лапти – вот носимая обувь [29]. Плохо одетые и обутые люди фактически все время находились в состоянии переохлаждения зимой или перегрева летом. Упомянувшийся выше отец Игнатий (Лебедев) в одном из писем сообщает: «Уже около 10 дней сижу с завязанными руками – получил ожог (с нарывами) от солнца» [10, с. 95]. Он же отразил и некоторые другие стороны бытовой повседневности: «Мне теперь требуется лекарство от бельевых вшей», а еще «клопы заели» [15, с. 34]. Ему же принадлежит и свидетельство о распространении такого явления как воровство: «А у меня с первой же ночи начались Божии испытания: чрез окно, из-под головы вытащили мой саквояж...» [10, с. 92].

Сами пребывая в тяжелых условиях, заключенные в ИТК № 1 священнослужители помнили о своих коллегах и интересовались их судьбой и сопереживали. Когда осенью 1937 г. в Арзамасе был арестован епископ

Гурий (Степанов), то отец Игнатий (Лебедев) в одном из писем отозвался так: «Дело с дедушкой Гурием для меня – скорбь на скорбь». Он же сообщение о смерти архимандрита Никиты (Куручкина), своего собрата по Свято-Смоленской Зосимовой пустыни, прокомментировал: «Оторвалась часть души моя, рана эта от продолжительности дней будет не заживать, а беречься каждым днем от лишения удовлетворения потребности в нем» [10, с. 94]. Не забывали и про оставшихся на свободе духовных чад. Епископ Иоанн (Пашин), например, так писал в одном из своих писем Татьяне Николаевне Гримблит, которую из-за ее щедрости в помощи ссыльному духовенству называли «современным Филаретом Милостивым», о некой Марии Ивановне (фамилия не была названа): «по моей просьбе переехала в Алатырь, помогает мне передачками и ожидает или моего освобождения, или перехода в вечность, как я ее просил: буду умирать – хоть глаза мне закроешь. А о смерти думаю все больше и больше» [14, с. 40].

Тяжелые условия проживания, как и нелегкий физический труд без каких-либо поправок на погодные условия (холод, распутица, жара) приводили к быстрому истощению организма заключенных. Приезжавшие на свидание в Алатырскую ИТК № 1 родственники или близкие оставляли потом свидетельства: «Он очень ослабел, сильно изменился и похудел, но все же двигался, старался рассказать о себе, очень много тихо плакал» [15, с. 34]. Неспособных работать на лесоповале переводили на внутрилагерные или сельскохозяйственные (при ИТК был небольшой полевой участок) работы, но и здесь сказывалось истощение организма. Для большинства священнослужителей пребывание в колонии закончилось трагически. Динамика смертей лиц духовного звания (в процентном отношении к числу находившихся в заключении) впечатляет своими высокими показателями: 1936 г. – 50% (7 из 14 находившихся в ИТК священников), 1938 г. – 31 % (11 человек из 35). Самой трудной была военная зима 1941–1942 года. В день, в общем, от 40 до 50 трупов. Почти все священники, находившиеся в колонии, погибли именно той зимой [3, с. 5]. Еще по одному священнику скончалось в 1943 и 1945 гг. [15, с. 38]. Причиной смерти у многих были различные заболевания (порок сердца, пеллагра, миокардит, туберкулез, воспаление легких, воспаления почек, воспаление желудочно-кишечного тракта и др.) [26, с. 48, 58, 59, 60, 62, 65, 114, 117, 125, 132], а у некоторых (например, у протоиерея А.П. Гладкова-Павлова и священника Е.Д. Данилова) весьма показательны в медицинском заключении указывалось «от истощения» [26, с. 45, 49].

Определенный процент смертности заключенных давали и несчастные случаи. В качестве примера можем привести факт гибели Ф.В. Турхана. В выданном с пометкой «повторно» Новобайбатовским сельсоветом Яльчикского района Чувашской Республики свидетельстве о смерти его фамилия написана в русифицированной форме «Турханов», указана дата «1 марта 1932 г.» и причина – «от удара сучков во время лесоразработки». Некоторые подробности известны из воспоминаний и интервью родственников. По рассказу дочери, основанному на свидетельстве другого сельчанина, обвиненного вместе с Ф.В. Турханом, когда того придавило упавшим деревом, то из проломленного черепа мозг вытек на костюм и застыл. Родные сняли кусочки кожи и частицы мозга с возвращенного им пиджака и похоронили «останки» на кладбище в родной деревне [подробнее см.: 19, с. 190–191]. Надо полагать, что подобных происшествий было немало, поскольку акты о несчастных случаях представлены в архивных документах и за более поздние годы. При чем травматизм был далеко не единичный (правда, все

ограничивалось не летальным исходом, а временной нетрудоспособностью): так, в 1955 г. за первое полугодие зафиксировано 12, за второе – 10 несчастных случаев [7, л. 4, 8, 20].

Воспоминания местных жителей рисуют страшную картину: на территории вокруг поселка ходишь по костям в буквальном смысле этого слова. Пройдешь несколько шагов в глубину леса – шагнешь на лагерное «кладбище». Места захоронений в 1930–1940-е гг. не определялись традиционной оградой. Хоронили, как свидетельствуют факты, беспорядочно. Заключенных погребали без гробов, просто сваливали друг на друга в ямы или рвы и зарывали. Десятилетия спустя грибки часто находили здесь выбеленные временем человеческие кости. А когда в 1990-е гг. в эти края пришли строители, чтобы провести дорогу «Алатырь – Батырево», бульдозеры выкатывали им под ноги черепа: трасса прорезала место последнего упокоения.... Типичное описание: сойти на несколько метров с дороги через кусты и деревья – и взгляду открывается поляна, на ней три креста – без всякой системы, в разных местах. Все они старые, установлены давно. То, что кругом могилы, выдает неровность поверхности. Даже высокая трава не скрывает бесчисленные бугорки и ямки [23, с. 32].

Местные жители из поколения в поколение передают и рассказы о том, что часто в могилы попадали тяжелобольные, смертельно обессиленные люди. Их зарывали живыми – все равно долго не проживут... [23, с. 32]. Находит это подтверждение и в свидетельствах очевидцев. Спустя годы они приоткрывали завесу над событиями 1930-х гг. Один из охранявших лагерь милиционеров в разговоре со священником церкви с. Старые Айбеси признался, что пули берегли и заключенных не расстреливали. Их сажали в бункер, где невозможно было пошевелиться, и не давали есть и пить. Когда заключенные совершенно обессиливали, их грузили в телегу, вывозили подальше от лагеря и полуживыми закапывали в землю. В воспоминаниях дочери одного из надзирателей, мать которой ухаживала в лазарете за больными заключенными, приводится такой факт: «Когда мертвых заключенных, как мусор, вываливали в яму при захоронениях, она говорила конвоирам: "Вы поаккуратнее, это же были люди!" Один заключенный священник умер у нее на руках» [29]. Всего, по неполным данным за годы сталинских репрессий в Алатырской ИТК № 1 погибли более 80 священников, более 150 церковнослужителей, тысячи мирян. Поэтому эту колонию республиканского значения и называют «Алатырской Голгофой» и «Чувашским Бутово» [2, с. 40, 47, 134]. В 2009 г. здесь был установлен Поклонный крест на «голгофе» из серого необработанного камня. У этого кованого стального креста, украшенного металлическим кружевом, – своя трагичная история. Когда-то он венчал купол храма в одном из местных сел, в 1930-е гг. при закрытии культового объекта был сброшен и его готовились сдать в металлолом. Одна-

ко руки, что называется, не дошли, и крест пролежал в груде прочего железного хлама до конца XX в., был обнаружен и сегодня обрел новое призвание [3].

Кстати, и сам г. Алатырь, по индексу которого юридически значилась ИТК № 1, тоже стал «вехой» на карте репрессий в отношении инакомыслящих в СССР. Здесь силами сотрудников НКВД активно и массово ликвидировали тех, кого причисляли к «врагам народа». Только в период «большого террора» в районном отделе НКВД (сегодня это территория ОАО «Электроприбор») было расстреляно не менее 118 человек. Всего же в скорбном списке расстрелянных в 1918–1942 гг. более 170 имен [28].

В завершение исследования напомним уже приводившийся выше факт: Алатырская ИТК № 1 прекратила свое существование в декабре 1964 г. К этому времени поселок Первомайский уже юридически существует и является базой Первомайского учебно-опытного леспромхоза. 26 января 1965 г. приказом Чувашского управления лесного хозяйства и охраны леса при Совете Министров РСФСР № 23 от 22 января 1965 г. на основе последнего и принятого от Министерства охраны общественного порядка Чувашской АССР предприятия ЮЛ 34/1 был организован Первомайский лесокombинат. Населенный пункт быстро растет за счет переселения из признанных неперспективными и ликвидируемых окрестных мелких поселков лесозаготовителей [24]. Однако это уже другой аспект местной истории, который выходит за рамки нашего исследования.

Таким образом, наше исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, Алатырская ИТК № 1 является одной из точек на карте карательно-репрессивной системы СССР. Юридически не входя в систему ГУЛАГа, она представляла собой место заключения для «социально опасных элементов», в том числе представителей православного духовенства и верующих. Фактически можно говорить о данной исправительно-трудовой колонии как месте наиболее массового содержания этой категории заключенных на уровне конкретного национального региона РСФСР. Во-вторых, условия содержания в данной колонии мало отличались от аналогичных в исправительно-трудовых лагерях. По-своему роднило с последними Алатырскую ИТК № 1 и нахождение в ней осужденных к длительным срокам заключения. В-третьих, тяжелые условия проживания и выматывающие физические нагрузки (работа на лесозаготовках) приводили к быстрому истощению организма заключенных и давали высокий процент смертности, причем динамика гибели священнослужителей (в процентном отношении к числу находившихся в заключении) была одной из самых высоких. Общее количество жертв, осужденных «по делам веры» (с учетом как представителей духовенства, так и мирян) позволяет характеризовать Алатырскую ИТК № 1 как «Алатырскую Голгофу» или «Чувашское Бутово».

Литература и источники

1. Абдуразаков Х. К., Нарматов Х. Б., Истамкулов Ж. И. Система мест лишения свободы СССР в период с конца 1930 по 1940 г. // *Право и государство: теория и практика*. 2023. № 5. С. 273–276.
2. Алатырский крест. Алатырь: Творческая группа «Православие», 2022. 154 с.
3. Беглов А. Крест над могилами новомучеников // *Церковный вестник*. 2009. 25 сентября: [электронный ресурс]. URL: http://e-vestnik.ru/society/krest_nad_mogilami/
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9414. Оп. 1. Д. 368.
5. Государственный исторический архив Чувашской Республики (ГИА ЧР). Ф. Р-1899. Оп. 2. Д. 7.
6. ГИА ЧР. Ф. Р-1899. Оп. 2. Д. 9.
7. ГИА ЧР. Ф. Р-1899. Оп. 2. Д. 44.
8. ГИА ЧР. Ф. Р-1899. Оп. 2. Д. 102.
9. Гулаг (Главное управление лагерей). 1917–1960: сб. док-тов / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. М.: Материк, МФД, 2000. 885 с.
10. Жития новомучеников земли Чувашской / сост. иеродиакон Иосиф (Ключников). Чебоксары: [Без издательства], 2009. 180 с.

11. Захаров Н. С. От ГУЛАГа до Кремля. Как работала охрана НКВД-КГБ. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
12. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
13. Из века в век... Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Чувашской Республике – Чувашии. Чебоксары: [Б.и.], 2009. 175 с.
14. Иосиф (Ключников), иеромонах. Торжество истины // Бог и человек. Вестник Чувашской митрополии. 2013. № 1. С. 37–41.
15. Иосиф (Ключников), иеромонах. Торжество истины // Бог и человек. Вестник Чувашской митрополии. 2013. № 2. С. 33–40.
16. Исаков В. М., Мельник Е. В. Правовые формы организации труда заключенных в местах лишения свободы в период 1930–1940-х гг. // Вестник экономической безопасности. 2016. № 1. С. 67–76.
17. История. Время гонений // Свято-Троицкий Чуваровский мужской монастырь: [электронный ресурс]. URL: <http://chufarovo-mon.ru/monastery/history/vremena-gonenij> (дата обращения 16.07.2025)
18. История сталинского ГУлага. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: сб. док-тов в 7 т. Т. 2. Карательная система: структура и кадры / отв. сост. Н.В. Петров, Н.И. Владимирцев. М.: РОССПЭН, 2004. 696 с.
19. Козлов Ф. Н. Братья Турхан: личности и время. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2017. 223 с.
20. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. М.: АСТ, Астрель, 2005. 507 с.
21. Населенные пункты Чувашской Республики. 1917–2019 годы: справочник об административно-территориальном делении / сост. В.А. Нестеров, Ф.Н. Козлов, О.В. Александрова. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2020. 575 с.
22. Никифоров А. А. Экономический аспект использования труда заключенных в системе ГУЛАГа // Человек: преступление и наказание. 2009. № 1. С. 69–72.
23. Паршагина З. Место скорби стало местом радости // Бог и человек. Вестник Чувашской митрополии. 2013. № 1. С. 31–35.
24. Первомайский лесокombинат // Официальный портал органов власти Чувашской Республики: [электронный ресурс]. URL: <https://gov.cap.ru/home/55/albom06/alatr99/leskom.htm?ysclid=mcscprkyo7s859012412> (дата обращения 16.07.2025)
25. Рождение ГУЛАГа: дискуссии в верхних эшелонах власти. Постановления Политбюро ЦК ВКП (б). 1929–1930 гг. / публ. подг. С.А. Красильниковым // Исторический архив. 1997. № 4. С. 142–156.
26. Синодик Чебоксарско-Чувашской епархии: иллюстрированный сборник статей о пострадавших за православную веру в годы советской власти в Чувашии / сост. иеродиакон Иосиф (Ключников). Чебоксары: Тип. Брындиных, 2012. 413 с.
27. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник / сост. М.Б. Смирнов. М.: Звенья, 1998. 600 с.
28. Списки расстрелянных в Алатыре граждан с 1918 по 1942 гг. // Официальный сайт администрации г. Алатыря [старая версия]. URL: <https://old-galatr.cap.ru/SiteMap.aspx?id=2352644&ysclid=mdas0au43q22437922> (дата обращения 16.07.2025)
29. Чугарина Ю. Ю., Головинский К. С. Алатырская Голгофа // Храм святых царственных страстотерпцев п. Первомайский: [электронный ресурс]. URL: <https://alatyir-krest.ru/istoriyaait/?ysclid=md80sk2k1n472316470> (дата обращения 16.07.2025)

References

1. Abdurazakov Kh. K., Narmatov Kh. B., Istamkulov Zh. I. *Sistema mest lisheniya svobody SSSR v period s kontsa 1930 po 1940 g.* [The system of places of imprisonment in the USSR in the period from the end of 1930 to 1940], *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and the State: Theory and Practice], 2023, no. 5, pp. 273–276. (In Russ.)
2. *Alatyrskii krest* [The Alatyir Cross]. Alatyir', Creative group "Orthodoxy" Publ, 2022, 154 p. (In Russ.)
3. Beglov A. *Krest nad mogilami novomuchenikov* [The cross over the graves of the New Martyrs]. Available at: http://e-vestnik.ru/society/krest_nad_mogilami/ (accessed: 16.07.2025)
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii. F. R-9414. Op. 1. D. 368* [The State Archive of the Russian Federation. Archive R-9414. Anagraph 1. Case 368].
5. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-1754. Op. 2. D. 7* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-1899. Anagraph 2. Case 7].
6. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-1899. Op. 2. D. 9* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-1899. Anagraph 2. Case 9].
7. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-1899. Op. 2. D. 44* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-1899. Anagraph 2. Case 44].
8. *Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Chuvashskoi Respubliki. F. R-1899. Op. 2. D. 102* [The State Historical Archive of the Chuvash Republic. Archive R-1899. Anagraph 2. Case 102].
9. *Gulag (Glavnoe upravlenie lagerei). 1917–1960: Sbornik dokumentov / sostavitel' A.I. Kokurin, N.V. Petrov* [Gulag (Glavnoe obravlenie lagerei). 1917–1960: collection of documents, comp. A.I. Kokurin, N.V. Petrov]. Moscow, Materik, MFD Publ., 2000, 885 p. (In Russ.)
10. *Zhitiya novomuchenikov zemli Chuvashskoi* [The Lives of the New Martyrs of the Chuvash Land]. Cheboksary, 2009, 180 p. (In Russ.)
11. Zakharov N. S. *Ot GULAGA do Kremlya. Kak rabotala okhrana NKVD-KGB* [From the Gulag to the Kremlin: How the NKVD-KGB Guards Worked]. Moscow, Algoritm Publ., 2017, 224 p. (In Russ.)
12. Ivanova G. M. *Istoriya GULAGA, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty* [The history of the GULAG, 1918–1958: socio-economic, political and legal aspects]. Moscow, Nauka Publ., 2006, 438 p. (In Russ.)
13. *Iz veka v vek... Upravlenie Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii po Chuvashskoi Respublike – Chuvashii* [From century to century... Department of the Federal Penitentiary Service for the Chuvash Republic – Chuvashia]. Cheboksary, 2009, 175 p. (In Russ.)
14. Iosif (Klyuchnikov), ieromonakh. *Torzhestvo istiny* [The triumph of truth], *Bog i chelovek. Vestnik Chuvashskoi mitropolii* [God and man. Bulletin of the Chuvash Metropolis], 2013, no. 1, pp. 37–41. (In Russ.)
15. Iosif (Klyuchnikov), ieromonakh. *Torzhestvo istiny* [The triumph of truth], *Bog i chelovek. Vestnik Chuvashskoi mitropolii* [God and man. Bulletin of the Chuvash Metropolis], 2013, no. 2, pp. 33–40. (In Russ.)
16. Isakov V. M., Mel'nik E. V. *Pravovye formy organizatsii truda zaklyuchennykh v mestakh lisheniya svobody v period 1930–1940-kh gg.* [Legal forms of labor organization of prisoners in places of detention in the 1930s and 1940s.], *Vestnik ekonomicheskoi bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], 2016, no. 1, pp. 67–76. (In Russ.)
17. *Istoriya. Vremya gonenii* [History. The time of persecution]. Available at: <http://chufarovo-mon.ru/monastery/history/vremena-gonenij> (accessed: 16.07.2025)
18. *Istoriya stalinskogo Gulaga. Konets 1920-kh – pervaya polovina 1950-kh godov: Sbornik dokumentov v 7 t. T. 2. Karatel'naya sistema: struktura i kadry / sostavitel' N.V. Petrov, N.I. Vladimirtsev* [The history of Stalin's Gulag. The end of the 1920s – the first half of the 1950s: collection of documents in 7 vols. Vol. 2. The punitive system: structure and personnel, ed. comp. N.V. Petrov, N.I. Vladimirtsev]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004, 696 p.
19. Kozlov F. N. *Brat'ya Turkhan: lichnosti i vremya* [The Turhan Brothers: Personalities and time]. Cheboksary, Chuvash Book Publishing House, 2017, 223 p. (In Russ.)
20. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovyi slovar' yazyka Sovdepii* [Explanatory dictionary of the Soviet language]. Moscow, AST, Astrel' Publ, 2005, 507 p. (In Russ.)
21. *Naselennye punkty Chuvashskoi Respubliki. 1917–2019 gody: spravochnik ob administrativno-territorial'nom delenii / sostavitel' V.A. Nesterov, F.N. Kozlov, O.V. Aleksandrova* [Settlements of the Chuvash Republic in 1917–2019: handbook of administrative-territorial division, comp. V.A. Nesterov, F.N. Kozlov, O.V. Aleksandrova]. Cheboksary, Chuvash Book Publishing House, 2020, 575 p. (In Russ.)
22. Nikiforov A. A. *Ekonomicheskii aspekt ispol'zovaniya truda zaklyuchennykh v sisteme GULAGA* [The economic aspect of the use of prisoners' labor in the GULAG system], *Chelovek: prestuplenie i nakazanie* [Man: crime and punishment], 2009, no. 1, pp. 69–72. (In Russ.)

Russ.)

23. Parshagina Z. *Mesto skorbi stalo mestom radosti* [A place of sorrow has become a place of joy], Bog i chelovek. Vestnik Chuvashskoi mitropolii [God and man. Bulletin of the Chuvash Metropolis], 2013, no. 1, pp. 31–35. (In Russ.)
24. *Pervomaiskii lesokombinat* [Pervomaisky timber processing plant]. Available at: <https://gov.cap.ru/home/55/albom06/alatr99/les-kom.htm?ysclid=mcscpkyo7s859012412> (accessed: 16.07.2025)
25. Krasil'nikov C.A. *Rozhdenie GULAGa: diskussii v verkhnikh eshelonakh vlasti. Postanovleniya Politbyuro TsK VKP (b). 1929–1930 gg.* [The birth of the Gulag: discussions in the upper echelons of power. Resolutions of the Politburo of the Central Committee of the CPSU (b). 1929–1930], Istoricheskii arkhiv [Historical Archive], 1997, no. 4, pp. 142–156. (In Russ.)
26. *Sinodik Cheboksarsko-Chuvashskoi eparkhii: illyustrirovannyi sbornik statei o postradavshikh za pravoslavnyuyu veru v gody sovetskoi vlasti v Chuvashii / sostavitel' ierodiakon Iosif (Klyuchnikov)* [Synod of Cheboksary-Chuvash Diocese: an illustrated collection of articles about victims of the Orthodox faith during the years of Soviet rule in Chuvashia, comp. Hierodeacon Iosif (Klyuchnikov)]. Cheboksary, 2012, 413 p. (In Russ.)
27. *Sistema ispravitel'no-trudovykh lagerei v SSSR, 1923–1960: spravochnik / sostavitel' M.B. Smirnov* [The system of correctional labor camps in the USSR, 1923–1960: a handbook, comp. M.B. Smirnov]. Moscow, Zven'ya Publ, 1998, 600 p. (In Russ.)
28. *Spiski rasstrelyannykh v Alatyre grazhdan s 1918 po 1942 gg.* [Lists of citizens executed in Alatyr from 1918 to 1942. Available at: <https://old-galatr.cap.ru/SiteMap.aspx?id=2352644&ysclid=mdas0au43q22437922> (accessed: 16.07.2025)
29. Chugarina Yu. Yu., Golovinskii K. S. *Alatyrskaya Golgofa* [Alatyr Golgotha]. Available at: <https://alatyr-krest.ru/istoryaaitk/?ysclid=md80sk2k1n472316470> (accessed: 16.07.2025).

© «Клио», 2025
© Козлов Ф.Н., 2025